

ЕЛЕНА ИВАНОВА
КОДЫ НА СТЕНАХ

ДЖОКОНДА БЕЗ ЛИЦА

Истории ереванских муралов,
в которых узнаешь себя

Елена Иванова-Дзор

**Коды на стенах. Джоконда
без лица. Истории ереванских
муралов, в которых узнаешь себя**

«Автор»

2026

Иванова-Дзор Е.

Коды на стенах. Джоконда без лица. Истории ереванских муралов, в которых узнаешь себя / Е. Иванова-Дзор — «Автор», 2026

Психологическая проза о женщинах, поиске себя и внутренней свободе. Вы проходите мимо искусства. А оно знает о вас больше, чем вы думаете. В этой книге — истории ереванских муралов, разговоры об искусстве и художниках, создавших его, которые неожиданно становятся разговором о вас. Женщина без лица. Женщина без маски. Женщина, которая держит. Это не выдуманные сюжеты, это состояния, в которых хотя бы раз была каждая. Если вы когда-нибудь чувствовали, что живёте «не своей жизнью», устали держать всё на себе, хотели понять, где вы настоящая, эта книга попадёт точно в точку. Прочитайте одну историю. И, возможно, уже не сможете остановиться. #психологическаяпроза #поисксебя #саморазвитие #женскиеистории #книгипсихология #внутренняясвобода #современнаяпроза #жизненныеистории #книгидляженщин #искусство #стритарт #Ереван #путешествия #эмоции #осознанность #личностныйрост #вдохновение #необычныепутешествия #городкакискусство #атмосферагорода #открытьгород #маршрутывпечатлений

© Иванова-Дзор Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Иванова-Дзор

Коды на стенах. Джоконда без лица. Истории ереванских муралов, в которых узнаешь себя

Предисловие

Ереван — город, который раскрывается не сразу, а только тем, кто умеет останавливаться. Иногда ты просто идёшь по улице, сворачиваешь во двор, видишь мурал. И почему-то не можешь пройти мимо.

Вглядываешься в него ...и ловишь себя на странном ощущении:

будто это не просто изображение, а встреча с чем-то своим.

С мыслью, которую давно откладывал или с чувством, которое не находило слов. А возможно, и с частью себя, о которой почти забыл. Такие моменты невозможно объяснить, но именно они остаются с нами надолго.

Эта книга — о таких встречах с муралами Еревана, спрятанными в его дворах или живущими на его улицах, и о потоке мыслей, которые они открывают внутри нас.

Возможно, в одной из историй, которые вы прочтете в этой книге, вы узнаете себя.

И, может быть, однажды вам захочется увидеть этот мурал своими глазами. Напишите мне, я помогу его найти.

Джоконда без лица

Психологическая история, в которой легко узнать себя.

Сначала я хочу, чтобы вы увидели её сами, просто остановились и посмотрели.

Вот она.

I. Мурал

Перед нами - жилой дом на северном проспекте, каких в Ереване сотни: бежево-розовая штукатурка, балконы с кондиционерами, антенны на крыше, провода. Самый обычный советский фасад, который видел несколько эпох и ни одной из них особенно не удивился.

И на нём — она, Джоконда.

Мурал занимает почти весь фасад от второго до четвёртого этажа. Это высказывание во весь рост здания, одновременно громкое по размеру, и при этом удивительно тихое по интонации.

Сначала видишь фигуру. Потом — детали, и постепенно начинаешь понимать, что именно ты видишь.

Художник не стал прятать реальность фасада, он вписал в неё мурал. Вокруг центрального изображения стена живёт своей собственной жизнью: слева — орнаментальные ромбы, красно-розовый узор, похожий одновременно на армянский ковер и на старые выцветшие обои. Справа — полосы, круги, декоративные элементы в тёплых земляных тонах. В верхнем левом углу — небольшой портрет в рамке, женский, тёмный, почти иконописный. Рядом с ним — две рыбы, написанные оранжево-красным, плывущие куда-то мимо стены, как будто мимо жизни.

А внизу — петля красного шнура, уходящая вниз и обрывающаяся.

Весь этот фон, тёплый, орнаментальный, почти народный, создаёт ощущение чего-то домашнего, интимного. Как узоры на стенах старого армянского дома...

И в центре всего этого — она.

Джоконда вписана в полукруглую арку — тёмно-золотистую, почти барочную по духу. По краям арки — крупные светлые шары, матовые, нанизанные как бусины или как декоративные элементы старинного карниза. Арка отделяет её от остального фасада, выделяет, обрамляет, создаёт ощущение сцены или алтаря. А может быть зеркала? Она стоит внутри арки как в раме, в которую её поместили не по её воле. И это — важная деталь, потому что Джоконда в Лувре тоже в раме уже пятьсот лет.

Её фигура написана в тёплых охристо-золотистых тонах: кожа, волосы, руки. Тёмно-коричневый верх одежды, почти чёрный, с мягкими складками. Тёмные прямые волосы спадают по обе стороны лица. Всё это узнаваемо... Джоконда.

Но лица нет.

И в этом — сердце этого мурала. Её лицо закрыто крупной, уверенной, золотисто-охристой рукой, которая лежит поперёк лица ладонью наружу. Рука не агрессивна. Она не зажимает рот, не давит. Она просто спокойно закрывает то, что не предназначено для чужих глаз.

Её ли это рука или нет?

Рука почти закрывает глаза, переносицу, лоб, и остаётся только нижняя часть лица

Ниже — её собственные руки, сложенные, как на оригинале: одна поверх другой. Но под ними, зажаты, прижаты к груди две небольшие маски как человеческие лица, упрощённые, схематичные, но узнаваемые. Оба маски смотрят вперёд почти без выражения.

И странная деталь: через всю фигуру наискосок от одного края к другому тянется тонкая красная лента. Она перехватывает фигуру как шов, как рана, как связь между тем, что снаружи, и тем, что внутри.

Я часто прохожу рядом этим муралом. И каждый раз останавливаюсь, потому что каждый раз вижу что-то новое. Это новизна зависит и от времени суток, и от того, что произошло у меня лично сегодня. Утром ее единственный неприкрытый глаз смотрит на меня иначе, чем вечером: то с хитрым прищуром, то понимающе-сочувствующе. И этот взгляд всегда устремлен на тебя.

II. Художник

Однажды я встретила его, создателя этого мурала, совершенно случайно, как случается всё, что потом меняет судьбу.

Я вела группу — небольшую, человек восемь, смешанная компания: несколько армян из диаспоры, двое французов и пожилая женщина из Петербурга, которая путешествовала одна и всё время немного отставала, потому что фотографировала каждую деталь. Мы шли мимо этого дома, и я уже готовилась рассказать ту версию, которую рассказываю обычно, короткую, на три минуты, и вдруг увидела его.

Он стоял чуть в стороне от стены, пил кофе из бумажного стакана и смотрел на мурал тем взглядом художника, который одновременно и любит, и ищет несовершенства в своей работе.

Он оказался молодым: лет тридцати, может, чуть больше, невысокий, в рабочей куртке с въевшейся краской на рукавах, с особенной спокойной внимательностью во взгляде. Он не удивился, что я подошла.

— Это вы нарисовали?

— Да.

— Расскажите, — попросила я. — Не для экскурсии, только для меня.

Он помолчал, отпил кофе, рассматривая дом: балконы, кондиционеры, облупившуюся штукатурку.

— Я тогда приехал сюда ранним утром, когда ещё никого не было, — сказал он. — Стоял перед этой стеной и думал о Леонардо.

Леонардо да Винчи носил столько масок, что историки до сих пор спорят, кем он был на самом деле. Учёным, который рисовал? Художником, который думал? Инженером, который мечтал? Он прожил жизнь в постоянном движении: Флоренция, Милан, Венеция, Рим, Франция, и в каждом городе он был немного другим, с другой маской.

Он написал женщину, улыбку которой пятьсот лет не могут разгадать, именно по этой причине.

— Я думал: если бы он пришёл сюда, на эту улицу, утром, что бы он сказал? — продолжал художник. — И у меня в голове вдруг возник такой разговор с ним, разговор, которого никогда не было.

«Я всю жизнь пытался понять, почему она улыбается именно так», — сказал бы Леонардо.

«Я тоже, — ответил бы я. — Я думаю, она улыбается, потому что знает: то, что видят люди, — это не она. Это то, что они хотят видеть. Она носила маску пятьсот лет и устала».

Он помолчал. *«Я тоже носил. Каждый великий художник — это человек в маске, который рисует других людей в масках и называет это правдой».*

«Тогда зачем рисовать?»

«Затем, что иногда, очень редко, через маску, сквозь нее проступает настоящее лицо».

— Вот тогда я понял, какой должна быть композиция, — сказал художник.

Он допил кофе, подержал стакан в руках.

— Лицо Джоконды — это ловушка. Его знают все. Любое отклонение, любая неточность в линии губ или разрезе глаз, и портрет мгновенно превращается в карикатуру. Я долго думал, как с этим работать. И решил убрать лицо совсем, оставить только один глаз.

— Но тогда ведь её никто не узнает?

— Все узнают, — сказал он просто. — Потому что силуэт, волосы, поза, одежда: всё это очень узнаваемо. Джоконду видно даже без лица. Она давно больше, чем просто лицо.

Она — образ. И вот эту разницу между человеком и образом я и хотел показать.

Он кивнул на мурал.

— Рука почти закрывает лицо, но один глаз словно живёт сам по себе, отдельно от женщины, которая когда-то сидела перед Леонардо и думала о чём-то своём. Та женщина исчезла. Осталась только ее маска, которая теперь гуляет по миру на магнитиках, на футболках, на кружках, и никто уже не помнит, что за ней был живой человек.

— А маски в руках?

— Это то, что она сохранила. — Он чуть помолчал. — Два других лица как два других варианта себя, которые она не показала миру. Прижала к груди и держит. Понимаете, просто держит их, не надев на себя? Носить — значит быть за маской, а держать — значит знать, что это маска. Она устала носить, но не отпустила их, потому что эти две маски — единственное, что осталось от неё настоящей.

— А арка? А орнаменты вокруг?

Он улыбнулся, впервые за всё время разговора.

— Арка — это рама. Та самая рама, из которой она никогда не выходила пятьсот лет. Это долгий срок... Я сделал её золотой и тяжёлой, как и положено раме такого портрета. А орнаменты вокруг — это конкретный дом, эта улица, этот город. Здесь она вписана в жизнь, в балконы и кондиционеры, и стала частью этой жизни.

— А красная нить?

— Нить — это связь, которую невозможно разорвать, между тем, кем тебя видят, и тем, кто ты есть. Связь между маской и лицом, которое за ней стоит.

Он посмотрел на стену. Помолчал.

— Я работал три недели. В первую неделю я написал арку и орнаменты, фон, во вторую — фигуру, одежда, руки. А в третью — руку на лице и маски. Руки я переделывал несколько раз. Они должны были держать маски определённым образом: не сжимать, не прятать, не демонстрировать. Просто держать то, что уже не нужно носить, но ещё не время отпустить.

— И как вы поняли, что готово?

— Когда отошёл на другую сторону улицы и почувствовал, что она смотрит на меня этим единственным открытым на лице глазом.

Моя группа стояла поодаль и слушала. Они не все понимали по-русски, но, кажется, понимали что-то другое. Архитектор из Лиона смотрел на мурал и медленно кивал. Женщина из Петербурга исподволь фотографировала художника.

Мы попрощались. Он допил кофе, бросил стакан в урну и пошёл куда-то вдоль улицы, не торопясь, с руками в карманах, как человек, у которого сегодня нет расписания.

Я смотрела ему вслед и думала: он сделал именно то, о чём говорил. Убрал лицо, и взгляд стал живым. Дал ей маски в руки, и она стала свободнее. Провёл красную нить, и всё связалось.

С тех пор я рассказываю об этом мурале на моем авторском маршруте «Коды на стенах». Иногда люди слушают вежливо и идут дальше, не останавливая взгляда. Но есть и такие, которые останавливаются по-настоящему, и смотрят на мурал, как будто что-то переосмысливая в себе.

И я вижу по лицам, что с ними происходит что-то по-настоящему глубокое.

Один раз я стала свидетельницей негромкого разговора, который я запомнила особенно.

III. Семья у мурала

Их было трое: пожилой мужчина - армянин, его дочь лет сорока, с той особенной усталостью на лице, как у людей, давно живущих не своей жизнью, и её дочь, девочка лет шестнадцати, с телефоном в руке.

Они остановились. Девочка подняла быстро сделал селфи у мурала на телефон, и остановилась, рассматривая фотографию.

— Дедушка, — сказала она, — а зачем ей две маски? Одной же достаточно.

Старик долго молчал. У него было лицо человека, который прожил несколько жизней в одной стране и каждый раз учился заново: как говорить, как молчать, как улыбаться так, чтобы тебя не поняли неправильно.

— Во времена моей молодости в СССР, — сказал он наконец, — маска была одна. Но зато все знали, что она есть. Это было странно честно, как ни парадоксально.

Он замолчал, глядя не на мурал, а куда-то сквозь него.

— Была жизнь официальная и настоящая. И они существовали параллельно, как два города в одном. В официальной жизни было всё правильно: передовики производства, братство народов, светлое будущее, которое вот-вот наступит. Газеты писали об урожаях и достижениях. На собраниях говорили правильные слова, и все знали, какие слова правильные, это не нужно было объяснять. Ты просто вставал и говорил их, как артист, который выучил роль. И все вокруг тоже знали, что это роль. И ты знал, что они знают. Это был молчаливый договор целого общества. Огромный театр с единственной пьесой и билетами, от которых нельзя отказаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.